

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *П. Петрова*

М54 **Метлицкая, Мария.** Прощальная гастроль : сборник / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Негромкие люди Марии Метлицкой. Рассказы разных лет).

ISBN 978-5-04-100849-9

Что самое трудное? Не знаете? Я вам скажу. Самое трудное — научиться прощать.

Как часто сгоряча мы клянемся никогда не забыть, не простить, не разговаривать, вычеркнуть из жизни. Что нами движет? Обида? Да, но она со временем улетучивается. Бывает, что даже и не помнишь, из-за чего произошла ссора. А ведь тогда, давно, казалось, что повод очень важный.

Что же мешает простить? Сделать шаг? Гордость, а чаще — гордыня.

Герои повестей, собранных под этой обложкой, все-таки понимают, что простить и понять, побороть гордыню, ревность — очень важно. Главное — вовремя это сделать.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100849-9

© Метлицкая М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Фиалки на десерт

Макого Таня не ожидала. И даже похожего не ожидала.

Удивилась? Да не то слово! Обалдела просто. Замерла, превратившись в соляной столб. Потому что то, что случилось, было ужасно.

Потом взяла себя в руки, разумеется. Жизненный опыт, он ведь всегда спасет. И улыбочку жалкую выдавила, и глазки «настроила», и ручками всплеснула. И почти елейным голосом проговорила:

— Ах, как приятно!

Приятно не было нисколько.

— Ну проходите, конечно! Плащик на вешалку, да да, сюда. Оторвалась вешалка? Да не беспокойтесь! А сапожки? Нет? У вас так не принято? Да бог с ними, с сапожками! Ну раз не принято! Конечно же, проходите и так! Да ерунда какая, что дождь на дворе!

Чуть не предложила бахилы — остались после маминной больницы. Слава богу, вовремя одумалась. А она и не думала беспокоиться, эта... мадемуазель.

И ботинки снимать не подумала — глянула на Таню как на врага. И сынок, кровинушка, тоже глянул... Просто прожег взглядом, словно огнем. Чуть не спалил! Куртец свой она небрежно бросила на стул в прихожей. Вешалки в Париже, видимо, не приняты. Как и тапки. Тане показалось, что она хотела швырнуть куртку на пол. Впрочем, такую и не жалко!

Протопала в комнату в своих говнодавах. На полу следы — черная мутная вода. Таня чуть не застонала — грязь она не выносила патологически. Просто пунктик какой-то.

А на улице даже не дождь, а наш родимый, российский ноябрьский кошмар: черный снег, перемешанный с дождем и реагентами. Ах да! Там у них, в «заграницах», обувь в гостях не снимают. Не принято! В чужие тапки влезать тоже не принято — не гигиенично! Лучше так, по ковру...

А разве у них такая грязь, как у нас, — жирная, мерзкая, мокрая и химическая?

Таня словно зачарованная смотрела, как *она* чапает по ковру.

Ковер был старый, еще бабулин, оттого и дорогой, любимый. Хороший ковер — не пошлый. Без золотисто-зеленых и красных вензелей, «огурцов» и завитушек, бежевый, светлый. Бабушка Оля тащила его на себе из Прибалтики.

«Я ее уже... ненавижу!» — подумала Таня, чувствуя, как закипают слезы.

Мамзель вошла в комнату, огляделась и со звуком подтащила к себе стул. Села. Нет, не так. Шмякнулась, плюхнулась на стул. Стул скрипнул. Еще бы! Она была крупной. Прилично крупной, заметим. И даже очень прилично! Метр восемьдесят, не меньше. Тане казалось, что все француженки непременно худенькие, невысокие и изящные — такой вот образ создан в ее воображении. Например, актрисы — Мишель Мерсье или Милен Демонжо. Ну или Анни Жирардо.

Это же была скорее дочь финского лесоруба или шахтера из Силезии. Широкоплечая, крупнорукая, крупногрудая. Всего в ней было с избытком.

Таня, мелкая от рождения, так и недобравшая росту и не догнавшая своих одноклассниц, рядом с мамзель казалась Дюймовочкой.

А как же французский, многократно описанный шарм? Тонкий вкус, изысканная и недешевая скромность? Где это все?

Лицо у мамзель было широкое, скуластое и — незначительное. Нет, здесь речь совсем не о красоте! Лицо было невнятным, смазанным, что ли. Пройдешь и не вспомнишь, что знакомы.

Конечно, совсем не накрашена. Таню такие женщины смущали. Что это? Уверенность в своей неотражимости, в своей природной красоте? Ну, знаете ли! Слишком смело. Любой женщине макияж не помешает — хоть капельку, хоть чуть-чуть. Те, кто совсем не

пользовался косметикой, вводили Таню в изумление — надо же, какая уверенность в своих чарах! Она сама была не из «злоупотребляющих». Но все же... А мамзель? Та игнорировала — и демонстративно! Словно хотела сказать — да мне наплевать! На всех наплевать. И в том числе — на тебя, дорогая будущая свекровь! Мне все равно, что ты подумаешь обо мне.

«Ладно, что я придираюсь, — подумала Таня. — А вдруг у нее аллергия?»

Она хотела быть доброжелательной. Очень хотела, честно! Однако выдавить из себя комплимент не получалось — никогда не умела кривить душой. И тут же вспомнила — лишь бы человек был хороший, а?

Хороший (предположительно) человек, не спросив разрешения, закурил.

Сынок заметался в поисках пепельницы. Пепельницы в некурящем доме не было. Он вытянул из серванта кофейную чашечку и поставил на стол.

Таня вздрогнула. Чашечка из подаренного когда-то сервиза была хрупкой, полупрозрачной и нежной — японский фарфор. Казалось, что наглости этой изящная вещица просто не вынесет и треснет — так неуважительно с ней еще не обращались.

«Чашечка-то выдержит, — мелькнуло у Тани. — А вот я...»

Да ладно — ничего не случилось, подумаешь, чашечка!

Она мотнула головой и натянула улыбку.

— Ну, дети мои! Давайте за стол?

Фиалки на десерт

Митька кивнул и тут же глянул на мамзель. Та пожала плечом и чуть сдвинула брови.

Таня вздохнула и стала накрывать на стол. Парадная скатерть, парадный сервиз. Метнулась на кухню — в холодильнике томились плоды ее усилий, все как положено: салат оливье (а он, этот мусью, был, между прочим, француз! Земляк, так сказать). Блюдо с «мирозой» — Митька этот салат обожал. Селедка, убранный красным лучком, и ее вечная спутница, отварная картошка, ожидавшая своего часа, укутанная в два одеяла. Ну и по мелочи — нарезка, солёности. В духовке томилась утка — любимая еда французов, не так ли? Толстая, даже жирненькая, с антоновкой в брюшке. По кухне плыл аромат.

Внося яства в комнату, Таня взглянула на ковер: два бурых пятна уже подсыхали.

Митька, сияя, открывал бутылку вина.

Мамзель сидела с каменным лицом — ни улыбки, ни жеста... ничего.

Таня приподняла плоску с салатом — вам... положить?

На лице мамзель появилась гримаса.

— Здесь — май-о-нез? Нет, спасибо. Не ем.

Таня вздрогнула и посмотрела на сына. Митька отвел глаза.

Она снова почувствовала, как подступают слезы. Только бы... только бы сдержаться! Не разреветься бы только! Да хрен с ней! Не жрет майонез, можно подумать! Пряма такая поборница здорового образа жизни!

Смешно. Те выглядят по-другому — уж не такие коровы, как ты, милочка!

Так, стоп! Может быть, дело не в этом? Может быть, у человека со здоровьем проблемы? Или просто не любит? И такое бывает. Успокойтесь, Татьяна Евгеньевна! И на свой счет не берите — тоже мне, гимназистка, ей-богу! Чуть что — сразу в слезы. Да пусть не ест, черт с ней! Нам больше достанется.

Мамзель отказалась и от «мимозы» — снова гримаса.

А этот... жених... Изумленно моргнув, Митька удивился:

— Ой, Женевьев! Это так вкусно! Попробуй!

Мамзель вздохнула. Вздохнула так, словно они, эти странные люди, эта странная мамаша с ее чудаковатым сынком, достали ее окончательно.

Митька бросил на невесту осторожный и, как показалось Тане, испуганный взгляд.

— Ну что? — делано улыбнулась Таня. — За любовь? — И подняла бокал.

Митька радостно кивнул. Мамзель снова вздохнула.

Вино ей не понравилось. Как же, француженка! Конечно, она разбирается! А вот Таня не очень; ориентировалась на цену — чтобы не совсем уж дешево, но и не запредельно дорого.

А потом была утка.

— Французы ведь любят утку? — кокетливо спросила Таня.

Ну и получила:

— Французы — наверное. Но, полагаю, не все. У вас же не все любят борщ! Или сало?

— Значит, вы утку не любите? — уточнила Таня.

— Я к ней равнодушна, — спокойно ответила та.

«Ты еще и отвратительно воспитана», — хотелось добавить Тане. Смолчала, конечно. Куда денешься — выбор сына. Вот так. Сиди и молчи! На ус наматывай — что любит невестка, а от чего носик воротит.

— За что пьем? — уточнила Таня, посмотрев на Митю. — За вас?

Тот оживился, блеснул глазами и глянул на мамзель, словно ища одобрения.

Таня внимательно следила за сыном — ну с ним все понятно. Выводы сделаны. Сын ускользал. Уплывал, растворялся в неизвестной пугающей дали. Собственно, его уже и не было, ее сына, — напротив нее сидел почти незнакомый мужик. Готовый разлюбить «мимозу», грузинское вино, а заодно и ее, свою мать.

Разговор, конечно, не клеился. «Выжимали» для приличия — погода, премьера в Ленкоме, новая выставка в Третьяковке. Ничего личного, как говорится. Сухо, банально и официально. Словно встретились малознакомые люди. Встретились и вот-вот разойдутся. И не будут друг по другу скучать.

Совсем не так все это Таня себе представляла... Она вообще *все это* не так представляла!

А как? Да пожалуйста, все очень просто! Придет сын с невестой. Разумеется, принесут цветы, торт

или конфеты — так положено, принято, заведено. Так она Митьку воспитывала. Думала — воспитала. Ага!

Пришли безо всего — она удивилась, но снова «сделала вид». Да все нормально! На улице дождь — не успели. В конце концов, они же «свои». Мама поймет и не осудит. И не обидится — мама есть мама!

Таня пыталась понять и не осудить. И не обидеться — тоже пыталась. В конце концов, собственное дитя всегда оправдаешь! Ну или попытаешься...

Вот, попыталась...

Ладно. Кто виноват? Значит, сама. Недодала, не объяснила, недоглядела.

— Может, обсудим свадьбу? — робко спросила Таня. — Событие все-таки... — с большим, надо сказать, сомнением добавила она.

— А что обсуждать? — Митька занервничал. — Денег нет, мам. Какая свадьба? Так, распишемся и сразу уедем в Париж. Вот и вся свадьба.

Таня разнервничалась:

— Нет, я все понимаю! Как говорится, не до грибов! Денег и вправду совсем нет! И все-таки, Митя! — Она намеренно обратилась только к сыну — вот ведь вредный народ мы, бабы! — А бабушка с дедом? А твои друзья, Сережка и Лешка? Со школы ведь вместе! Как не отметить? А тетя Света, наконец?

— Мам! — Митька покраснел. — Ну говорили же! Никаких там торжеств, никаких ресторанов! Глупость все это и бред! Кому это надо? Лично нам... вот совсем ни к чему!

Так, держи себя в руках, дорогая! Спокойнее, слышишь? Это ведь их жизнь, правда? Ты здесь немножечко... сбоку! Рядом, но сбоку, так? Взрослые люди — и их право решать!

Честно говоря, Таня и сама ненавидела пышные свадебные сборища, всех этих пупсов на машинах, шелковые ленты, искусственные «кладбищенские» цветы на длиннющих и пафосных лимузинах. Дурацкие платья с ярусами, рюши, атлас, накрученные нелепые прически, стоящие немислимых денег. Тоска... Кабаки с подкисшими салатами (с майонезом, заметьте!) и откровенным воровством официантов. Пьяные гости и любопытные взгляды. Обсуждение молодых — в особенности невесты. К тому же... Кого здесь обсуждать? Мамзель Женевьеву? Она тут же представила свою подругу Светку, отца и маму: «Ох, Таня! Для кого мы растили нашего Митьку? Для нее? Для этой вот?»

«Соболезнуем, Танечка! Даром ведь что французенка! Наши девочки-то, а? Красотки! И нате вам, господи! И где он *такое* нашел?»

Да, хвастаться нечем...

На секунду она вообразила Женевьев на торжестве. Эта не наденет ни свадебное платье, ни парадные туфли. Прическу не сделает — наверняка. Так и явится в бусах своих, в майке-распустехе и дурацких, дурно сидящих штанах.

Нет, все правильно — свадьбы не надо.

И все-таки... Бабушка, дед — мама и отец. Сестра мамы тетя Маруся. Лучшая подруга Светка. Митьки-

ны друзья. Они, конечно, все удивятся. А старики и вообще обидятся! И кстати, правильно сделают! Растили этого дурака, растили. И вот, получите!

— А бабушка, дед? — хрипло повторила Таня. — Их тоже не позовете? Побоку? Они, между прочим... У нас же так принято, Митя! Есть же традиции, а?

Завелась.

— Мам! — Митька кхекнул и бегло глянул на невесту. — Ну мы же говорили тебе! Пре-ду-преж-дали!

Укорил. Упрекнул. Разозлился.

Она это видела — мать.

Мамзель снова закурила.

Таня резко встала со стула и рывком распахнула окно.

— Простите! Я совершенно не переношу табачного дыма! Вы уж меня извините!

Сигарету, надо заметить, мамзель не затушила. «Все, это конец, — подумала Таня. — Это не просто конец — это конец-конец! И нет у меня больше сына».

Хочешь — смирись. Не хочешь — повесься.

* * *

Они ушли, даже и не подумали остаться на ночь в родительском доме. В Митькиной комнате.

Конечно же, в съемной квартире мамзель им будет лучше. Теплее, уютнее. Таня их не задерживала. Сухо кивнула:

— Всего наилучшего!

Мамзель, правда, сказала «спасибо».

— Да не за что! — бодро откликнулась Таня. — За что спасибо-то? Вы ж так ничего и не съели!

Митька торопливо зашнуровывал кроссовки, головы не поднимал. Косо мазнул по щеке:

— Мам, спасибо! Ну, мы рванули?

— Угу, — усмехнулась Таня. — Рванули! Штаны не порви, пряткий мой!

Сын сделал вид, что не расслышал.

Таня закрыла за ними дверь и опустилась на стул. Ей показалось, что из нее выкачали весь воздух. Ловила его ртом как рыба, а вздохнуть не могла.

Просидела, наверное, около часа, потом поднялась и поплелась в комнату — нужно убрать, а то будет тошно совсем. Утка застыла в жиру, как муха в варенье. Салаты подсохли, пожухли. Кисло пахло вином.

Она с ожесточением вываливала плоды своего труда в мусорное ведро. Все остатки, которые сладки. Вместе с почти нетронутой уткой. Приговаривая при этом:

— Ну и черт с вами! Ну и пожалуйста! Ну и идите вы... В ваши Парижи! Жрите там свои фуа-гра и лягушек! А нам и здесь хорошо! С кислой капустой и ви-негретом!

Бормотала, выкрикивала, а потом плюхнулась на табуретку и разревелась.

Вот она, жизнь, мать ее так. Растила сыночка, лелеяла. Пестовала детку свою, надежду, опору и гордость. Хотя чем особенно было гордиться? Обычный мальчик, середнячок. Это для мамы праздник и счастье.